Ленин

Очередные

задачи

сов. власти

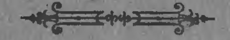

Л. Шнеерсон 1918/V 18
-50. Сов. пред. Совет.

„Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь“.

Н. ЛЕНИН.

ОЧЕРЕДНЫЯ ЗАДАЧИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

МОСКВА.
Изданіе Всероссійск. Центр. Исп. Ком. Совѣтов Р., С., К. и К. Депутатов.
1918 г.

Очередныя задачи Совѣтской власти.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РОССІЙСКОЙ СОВѢТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ и ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Благодаря достигнутому миру,—несмотря на всю его тягость и всю его непрочность,—Россійская Совѣтская Республика получает возможность на извѣстное время сосредоточить свои силы на важнѣйшей и труднѣйшей сторонѣ соціалистической революціи, именно—на задачѣ организаціонной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всѣми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзацѣ (4-й части) резолюціи, принятой 16 марта 1918 года на Московском Чрезвычайном С'ѣздѣ Совѣтов,—в том же абзацѣ (или в той части) резолюціи, гдѣ говорится о самодисциплинѣ трудящихся и о безпощадной борьбѣ с хаосом и дезорганизаціей.

Непрочность достигнутаго Россійской Совѣтской Республикой мира обусловливается, конечно, не тѣм, чтобы она помышляла теперь о возобновленіи военных дѣйствій;—кромѣ буржуазных контр-революціонеров и их подголосков (меньшевиков и пр.) ни один вмѣняемый политик не думает об этом. Непрочность мира обусловливается тѣм, что в граничащих с Россіей с запада и с востока имперіалистических государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партія, соблазненная моментальной слабостью Россіи и подталкиваемая ненавидящими соціализм и охочими до грабежа капиталистами.

При таком положеніи дѣла, реальной, не бумажной, гарантіей мира для нас является исключительно рознь между имперіалистскими державами, достигшая высших предѣлов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновленіи имперіалистской бойни народов на Западѣ, а с другой стороны—в крайне обостренном имперіалистическом соревнованіи Японіи и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что, защищенная столь шаткой охраной, наша совѣтская соціалистическая республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положеніи. Необходимо крайнее напряженіе всѣх наших сил, чтобы использовать предоставленную нам

стеченіем обстоятельств передышку для излеченія тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму Россіи войной, и для экономическаго под'ема страны, без чего не может быть и рѣчи о сколько-нибудь серьезном повышеніи обороноспособности.

Понятно также, что серьезное содѣйствіе запоздавшей, в силу ряда причин, соціалистической революціи на Западѣ мы окажем лишь в той мѣрѣ, в какой сумѣем рѣшить поставленную перед нами организаціонную задачу.

Основным условіем успѣшнаго разрѣшенія, стоящей перед нами в первую очередь, организаціонной задачи является полное усвоеніе политическими руководителями народа, т.-е. членами Россійской Коммунистической Партіи (большевиков), а затѣм и всѣми сознательными представителями трудящихся масс, коренного различія между прежними буржуазными и настоящей соціалистической революціей в разсматриваемом отношеніи.

В буржуазных революціях главная задача трудящихся масс состояла в выполненіи отрицательной или разрушительной работы уничтоженія феодализма, монархіи, средневѣковья. Положительную или созидательную работу организаціи новаго общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населенія. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивленію рабочих и бѣднѣйших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивленіе эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построеннаго капиталистическаго общества является стихійно растущій вширь и вглубь рынок, національный и интернаціональный.

Напротив, главной задачей пролетаріата и руководимаго им бѣднѣйшаго крестьянства во всякой соціалистической революціи,—а, слѣдовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. соціалистической революціи в Россіи,—является положительная или созидательная работа налаженія чрезвычайно сложной и тонкой сѣти новых организаціонных отношеній, охватывающих планомѣрное производство и распредѣленіе продуктов, необходимых для существованія десятков милліонов людей. Такая революція может быть успѣшно осуществлена только при самостоятельном историческом творчествѣ большинства населенія, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случаѣ, если пролетаріат и бѣднѣйшее крестьянство сумѣют найти в себѣ достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости,—побѣда соціалистической революціи будет обезпечена. Создав новый, Совѣтскій тип государства, открывающій возможность для трудящихся и угнетенных масс принять дѣятельное участіе в самостоятельном строительствѣ новаго общества, мы разрѣшили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайшій и повсемѣстный учет и контроль производства и распредѣленія продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на дѣлѣ.

Развитіе партіи большевиков, которая является нынѣ правительственной партіей в Россіи, особенно наглядно показывает, в чем состоит переживаемый нами и составляющій своеобразіе настоящаго политическаго момента историческій перелом, требующій новой оріентаціи Совѣтской власти, т.-е. новой постановки новых задач.

Первой задачей всякой партіи будущаго является—убѣдить большинство народа в правильности ея программы и тактики. Эта задача стояла на первом планѣ как при царизмѣ, так и в період соглашательства Черновых и Церетелли с Керенским и Кишкиным. Теперь эта задача, которая, конечно, далеко еще не завершена и которая никогда не может быть исчерпана до конца, в главном рѣшена, ибо большинство рабочих и крестьян Россіи, как показал безспорно послѣдній с'ѣзд Совѣтов в Москвѣ, завѣдомо стоит на сторонѣ большевиков.

Второй задачей нашей партіи было завоеваніе политической власти и подавленіе сопротивленія эксплоататоров. И эта задача отнюдь не исчерпана до конца, и ее невозможно игнорировать, ибо монархисты и кадеты, с одной стороны, их подголоски и прихвостни, меньшевики и правые эс-эры, с другой, продолжают попытки об'единиться для сверженія Совѣтской власти. Но, в главном, задача сопротивленія эксплуататоров уже рѣшена в період с 25-го октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевскаго.

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразіе переживаемаго момента, третья задача: организовать **управленіе** Россіей. Разумѣется, эта задача ставилась и рѣшалась нами на другой же день послѣ 25-го октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивленіе эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управленія **не могла** стать **главной, центральной**.

Теперь она стала таковой. Мы, партія большевиков, Россію **убѣдили**. Мы Россію **отвоевали** у богатых для бѣдных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россіей **управлять. И все своеобразіе** переживаемаго момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убѣжденія народа и военнаго подавленія эксплуататоров к главной задачѣ **управленія.**

Первый раз в мiровой исторіи соціалистическая партія успѣла закончить, в главных чертах, дѣло завоеванія власти и подавленія эксплуататоров, успѣла подойти **вплотную** к задачѣ **управленія.** Надо, чтобы мы оказались достойными выполнителями этой труднѣйшей (и благодарнѣйшей) задачи соціалистическаго переворота. Надо **продумать,** что для успѣшнаго управленія необходимо, **кромѣ** умѣнья убѣдить, **кромѣ** умѣнья побѣдить в гражданской войнѣ, умѣнье практически **организовать.** Это—самая трудная задача, ибо дѣло идет об организаціи по новому самых глубоких экономических основ жизни десятков и десятков милліонов людей. И это—самая благодарная задача, ибо лишь **послѣ** ея **рѣшенія** (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россія **стала** не только совѣтской, но и соціалистической республикой.

ОБЩІЙ ЛОЗУНГ МОМЕНТА.

Очерченное выше об'ективное положеніе, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнѣйшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наслѣдство войной и господством буржуазіи (в лицѣ Керенскаго и поддерживавших его меньшевиков с правыми с.-р.), все это неизбѣжно породило крайнее утомленіе и даже истощеніе сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует—и не может не требовать— извѣстнаго отдыха. На очередь дня выдвигается возстановленіе разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазіи производительных сил;—излѣченіе ран, нанесен-

ных войной, пораженіем в войнѣ, спекуляціей и попытками буржуазіи возстановить свергнутую власть эксплуататоров; —экономическій под'ем страны;—прочная охрана элементарнаго порядка. Может показаться парадоксом, но на самом дѣлѣ, в силу указанных об'ективных условій является совершенно несомнѣнным, что Совѣтская власть в данный момент может упрочить переход Россіи к соціализму только в том случаѣ, если практически рѣшит, вопреки противодѣйствію буржуазіи, меньшевиков и правых эс-эров, именно эти самыя элементарныя и элементарнѣйшія задачи сохраненія общественности. Практическое рѣшеніе этих элементарнѣйших задач и преодолѣніе организаціонных трудностей первых шагов к соціализму является теперь, в силу конкретных особенностей даннаго положенія и при существованіи Совѣтской власти с ея законами о соціализаціи земли, рабочем контролѣ и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовѣстно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в трудѣ,—именно такіе лозунги, справедливо осмѣивавшіеся революціонными пролетаріями тогда, когда буржуазія прикрывала подобными рѣчами свое господство, как класса эксплоататоров, становятся теперь, послѣ сверженія буржуазіи, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведеніе в жизнь этих лозунгов **массой** трудящихся является, с одной стороны, **единственным** условіем спасенія страны, до полусмерти истерзанной имперіалистской войной и имперіалистскими хищниками (с Керенским во главѣ), а, с другой стороны, практическое проведеніе в жизнь этих лозунгов **Совѣтскою** властью, **ея** методами, на основаніи **ея** законов, является **необходимым и достаточным** для окончательной побѣды соціализма. Этого то и не умѣют понять тѣ, кто презрительно отмахивается от выдвиганія на первый план столь «избитых» и «тривіальных» лозунгов. В мелко-крестьянской странѣ, только год тому назад свергнувшей царизм и менѣе чѣм полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, не мало стихійнаго анархизма, усиленнаго озвѣреніем и одичаніем, сопровождающими всякую долгую и реакціонную войну, создалось не мало настроеній отчаянія и безпредметнаго озлобленія; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазіи (меньшевиков, правых эс-еров и пр.), то станет вполнѣ понятно, какія длительныя и упорныя усилія лучших и сознательнѣйших рабочих и крестьян необходимы для полнаго перелома настроеній массы и перехода ея к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду. Только такой переход, осуществленный массой бѣдноты (пролетаріев и полупролетаріев), и способен завершить побѣду над буржуазіей и в особенности над наиболѣе упорной и многочисленной крестьянской буржуазіей.

НОВЫЙ ФАЗИС БОРЬБЫ С БУРЖУАЗІЕЙ.

Буржуазія побѣждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазіей, переход от простѣйшей задачи дальнѣйшаго экспропріированія капиталистов к гораздо болѣе сложной и трудной задачѣ созданія таких условій, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазія. Ясно, что эта задача неизмѣримо болѣе высокая и что без разрѣшенія ея, соціализма еще нѣт.

Если взять масштаб западно-европейских революцій, мы стоим сейчас приблизительно на уровнѣ достигнутаго в

1793 году и в 1871 году. Мы имѣем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношеніи пошли, несомнѣнно, нѣсколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей Россіи высшій **тип** государства, Совѣтскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в каком случаѣ мы не можем, ибо мы только начали переход к соціализму, но рѣшающаго в **этом** отношеніи **еще** не осуществили.

Рѣшающим является организація строжайшаго и всенароднаго учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов. Между тѣм в тѣх предпріятіях, в тѣх отраслях и сторонах хозяйства, которыя мы отняли у буржуазіи, учет и контроль нами **еще** не достигнут, а без этого не может быть и рѣчи о втором, столь же существенном, матеріальном условіи введенія соціализма, именно о повышеніи, в общенаціональном масштабѣ, производительности труда.

Поэтому нельзя было бы опредѣлить задачу настоящаго момента простой формулой: продолжать наступленіе на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомнѣнно, не добит, и что продолжать наступленіе на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое опредѣленіе было бы неточно, неконкретно, в нем не было бы учета **своеобразія** даннаго момента, когда в интересах успѣшности **дальнѣйшаго** наступленія надо «пріостановить» **сейчас** наступленіе.

Пояснить это можно, сравнив наше положеніе в войнѣ против капитала с положеніем того побѣдоноснаго войска, которое отняло, скажем, половину или двѣ трети территоріи у непріятеля и вынуждено пріостановить наступленіе, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрѣпить коммуникаціонную линію, построить новые склады, подвезти новые резервы и т. д. Пріостановка наступленія побѣдоноснаго войска в подобных условіях является необходимой именно в интересах отвоеванія у непріятеля остальной территоріи, т.-е. в интересах полной побѣды. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам об'ективным положеніем дѣла в настоящій момент «пріостановка» наступленія на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моментѣ.

Разумѣется, о «пріостановкѣ» наступленія на капитал можно говорить только в кавычках, т.-е. только метафорически. В обыкновенной войнѣ можно дать общій приказ о пріостановкѣ наступленія, можно на дѣлѣ остановить движеніе вперед. В войнѣ против капитала движенія вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнѣйшей экспропріаціи капитала, не может быть и рѣчи. Рѣчь идет об измѣненіи **центра тяжести** нашей экономической и политической работы. До сих пор на **первом планѣ** стояли мѣропріятія по непосредственной экспропріаціи экспропріаторов. Теперь на первом планѣ становится организація учета и контроля в тѣх хозяйствах, гдѣ уже экспропріированы капиталисты, и во всѣх остальных хозяйствах.

Если бы мы захотѣли теперь продолжать прежним темпом экспропріировать капитал дальше, мы, навѣрное, потерпѣли бы пораженіе, ибо наша работа по организаціи пролетарскаго учета и контроля явно, очевидно для всякаго думающаго человѣка, **отстала** от работы непосредственной «экспропріаціи экспропріаторов». Если мы наляжем теперь изо всѣх сил на работу организаціи учета и контроля, мы сможем рѣшить эту задачу, мы наверстаем упущенное, мы выиграем нашу «кампанію» против капитала.

Но признаніе того, что приходится наверстывать упущенное, не равносильно ли признанію в нѣкоей содѣянной ошибкѣ?—Нисколько. Приведем опять военное сравненіе. Если можно разбить и оттѣснить непріятеля одними отря-

дами легкой кавалеріи, это надо сдѣлать. А если это можно с успѣхом сдѣлать лишь до извѣстнаго предѣла, то вполнѣ мыслимо, что за этим предѣлом возникает необходимость подвоза тяжелой артиллеріи. Признавая, что надо теперь наверстывать упущенное в подвозѣ тяжелой артиллеріи, мы вовсе не признаем ошибкой побѣдоносную кавалерійскую атаку.

Нас часто упрекали лакеи буржуазіи в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелѣпый, достойный именно лакеев денежнаго мѣшка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал **в свое время** предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному, в лицѣ Керенскаго и Краснова, Савинкова и Гоца (Гегечкори и сейчас так сопротивляется), Дутова и Богаевскаго. Военное сопротивленіе нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы дѣлали благороднѣйшее и величайшее историческое дѣло освобожденія трудящихся и эксплоатируемых от гнета эксплоататоров.

Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управленія взамѣн методов подавленія и потому, что искусство управленія не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряженіи спеціалистов разных отраслей знанія и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имѣли еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивленіе **саботажем.** А теперь мы саботаж сломили. «Красногвардейская» атака на капитал была успѣшна, была побѣдоносна, ибо мы побѣдили и военное сопротивленіе капитала, и саботажническое сопротивленіе капитала.

Значит ли это, что всегда умѣстна, при всяких обстоятельствах умѣстна «красногвардейская» атака на капитал, что у нас нѣт иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы побѣдили легкой кавалеріей, но у нас есть и тяжелая артиллерія. Мы побѣждали методами подавленія, мы сумѣем побѣждать и методами управленія. Методы борьбы против врага надо умѣть измѣнять, когда измѣняются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от «красногвардейскаго» подавленія господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помѣщичьих и буржуазных контрреволюціонеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое мѣсто ставить «красногвардейскіе» пріемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена побѣдоносно) и когда в дверь стучится эпоха использованія пролетарскою государственною властью буржуазных спеціалистов для такого перепахиванія почвы, чтобы на ней вовсе не могла рости никакая буржуазія.

Это—своеобразная эпоха, **или** вѣрнѣе полоса развитія,—и, чтобы побѣдить капитал до конца, надо умѣть приспособить формы нашей борьбы к своеобразным условіям такой полосы.

Без руководства спеціалистов различных отраслей знанія, техники, опыта, переход к соціализму невозможен, ибо соціализм требует сознательнаго и массоваго движенія вперед к высшей производительности труда по сравненію с капитализмом и на базѣ достигнутаго капитализмом. Соціализм должен по **своему,** своими пріемами,—скажем конкретнѣе, **совѣтскими** пріемами—осуществить это движеніе вперед. А спеціалисты неизбѣжно являются в массѣ буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сдѣлала их спеціалистами. Если бы наш

пролетаріат, овладѣв властью, быстро рѣшил задачу учета, контроля, организаціи во всенародном масштабѣ,—(это было неосуществимо вслѣдствіе войны и отсталости Россіи)—тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себѣ полностью и буржуазных специалистов. В силу значительнаго «опозданія» с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успѣли побѣдить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряженіе буржуазных специалистов, еще не создали; масса саботажников «идет на службу», но лучшіе организаторы и крупнѣйшіе специалисты могут быть использованы государством либо по старому, по буржуазному (т.-е. за высокую плату), либо по новому, по-пролетарски (т.-е созданіем той обстановки всенароднаго учета и контроля снизу, которая неизбѣжно и сама-собой подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибѣгнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнѣйших из буржуазных специалистов. Всѣ, знакомые с дѣлом, видят это, но не всѣ вдумываются в значеніе подобной мѣры со стороны пролетарскаго государства. Ясно, что такая мѣра есть компромисс, отступленіе от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведенія жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы дѣлом, а не словами, с карьеризмом.

Мало того. Ясно, что такая мѣра есть не только пріостановка—в извѣстной области и в извѣстной степени—наступленія на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а опредѣленное общественное отношеніе), но и шаг назад нашей соціалистической, совѣтской, государственной власти, которая с самаго начала провозгласила и повела политику пониженія высоких жалований до заработка средняго рабочаго.

Конечно, лакеи буржуазіи особенно мелкаго разбора, в родѣ меньшевиков, новожизнецев, правых эс-эров, будут хихикать по поводу признанія того, что мы дѣлаем шаг назад. Но нам нечего обращать вниманіе на хихиканье. Нам надо изучать особенности в высшей степени труднаго и новаго пути к соціализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь во время додѣлывать недодѣланное. Скрывать от масс, что привлеченіе буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступленіе от принципов коммуны, значило бы опуститься до уровня буржуазных политиков и обманывать массы. Открыто об'яснить, как и и почему мы сдѣлали шаг назад, затѣм обсудить гласно, какія имѣются средства наверстать упущенное,—это значит воспитать массы и на опытѣ, вмѣстѣ с ними, учиться строительству соціализма. Едва ли был хоть один побѣдоносный военный поход в исторіи, когда бы побѣдителю не случалось дѣлать отдѣльных ошибок, терпѣть частичныя пораженія, временно отступать кое в чем и кое гдѣ назад. А предпринятый нами «поход» против капитализма в милліон раз труднѣе самаго труднаго военнаго похода, и впадать в уныніе по поводу частнаго и частичнаго отступленія было бы глупо и позорно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Россійской Совѣтской Республикѣ необходимы 1000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знанія, техники, практическаго опыта, для руководства народным трудом в цѣлях возможно быстраго экономическаго под'ема страны. Допустим, что эти «звѣзды первой величины» приходится оплачивать—большинство из них, конеч-

но, тѣм развращеннѣе буржуазными нравами, чѣм охотнѣе оно кричит о развращенности рабочих,—по 25 тыс. р. в год. Допустим, что эту сумму (25 милліон. руб.) надо удвоить (предполагая выдачу премій за особенно успѣшное и быстрое выполненіе важнѣйших из организаторски-технических заданій) или даже учетверить (предполагая привлеченіе нѣскольких сот болѣе требовательных заграничных спеціалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмѣрным или непосильным для Совѣтской Республики расход пятидесяти или ста милліонов рубл. в год на переорганизацію народнаго труда по послѣднему слову науки и техники? Конечно, нѣт. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрит такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять милліарды, а такой степени организованности, учета и контроля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участіе «звѣзд» буржуазной интеллигенціи в нашей работѣ, мы еще не достигли.

Разумѣется, вопрос имѣет также другую сторону. Развращающее вліяніе высоких жалованій неоспоримо—и на Совѣтскую власть (тѣм болѣе, что при быстротѣ переворота к этой власти не могло не примкнуть извѣстное количество авантюристов и жуликов, которые вмѣстѣ с бездарными или безсовѣстными из разных комиссаров не прочь попасть в «звѣзды»... казнокрадства), и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящаго и честнаго среди рабочих и бѣднѣйших крестьян, согласится с нами, признает, что сразу избавиться от дурного наслѣдства капитализма мы не в состояніи, что освободить Совѣтскую республику от «дани» в 50 или 100 милліонов рублей (дани за нашу собственную отсталость в дѣлѣ организаціи всенароднаго учета и контроля снизу) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всѣх «хранящих наслѣдство капитализма», «соблюдающих традиціи капитализма»», т.-е от лодырей, тунеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, всѣ фабрики, всѣ желѣзныя дороги есть «казна» Совѣтской республики). Если сознательные передовики-рабочіе и бѣднѣйшіе крестьяне успѣют, при помощи совѣтских учрежденій, в один год организоваться, дисциплинироваться, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту «дань», которую можно сократить даже раньше... ровно в мѣру успѣхов нашей рабоче-крестьянской трудовой дисциплины и организованности. Чѣм скорѣе мы сами, рабочіе и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплинѣ и высшей техникѣ труда, используя для этой науки буржуазных спеціалистов, тѣм скорѣе мы избавимся от всякой дани этим спеціалистам.

Наша работа по организаціи под руководством пролетаріата, всенароднаго учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспропріаціи экспропріаторов. Это положеніе является основным для пониманія особенностей настоящаго момента и вытекающих отсюда задач Совѣтской власти. Центр тяжести в борьбѣ против буржуазіи передвигается на организацію такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно опредѣлить очередныя задачи экономической и финансовой политики в области національзаціи банков, монополизаціи внѣшней торговли, государственнаго контроля за денежным обращеніем, введенія удовлетворительнаго, с пролетарской точки зрѣнія, поимущественнаго и подоходнаго налога, введенія трудовой повинности.

С соціалистическими преобразованіями в этих областях мы крайнѣ отстали

(а это весьма и весьма существенныя области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумѣется, эта задача из самых трудных и при разрухѣ, созданной войною, она допускает лишь длительное рѣшеніе, но нельзя забывать, что как раз здѣсь буржуазія—в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазія—дает нам серьезнѣйшій бой, подрывая налаживающійся контроль, подрывая, напр., хлѣбную монополію, отвоевывая позиціи для спекуляціи и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко не достаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточеніи всѣх усилій на дѣловом, практическом **осуществленіи** основ тѣх преобразованій, которыя уже стали законом, но не стали еще реальностью.

Чтобы продолжать дальше національзацію банков и идти неуклонно к превращенію банков в узловые пункты общественнаго счетоводства при соціализмѣ, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успѣхов в увеличеніи числа отдѣленій Народнаго банка, в привлеченіи вкладов, в облегченіи для публики операцій внесенія и выдачи денег, в устраненіи «хвостов», в поимкѣ и **разстрѣлѣ** взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простѣйшее, организовать хорошенько наличное,— а затѣм уже подготовлять болѣе сложное.

Укрѣпить и упорядочить тѣ государственныя монополіи (на хлѣб, на кожу и пр.), которыя уже введены,—и тѣм подготовить монополизацію внѣшней торговли государством; без такой монополизаціи мы не сможем отдѣлаться от иностраннаго капитала платежом «дани». А вся возможность соціалистическаго строительства зависит от того, сумѣем ли мы в теченіе извѣстнаго переходнаго времени выплатой нѣкоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманіем налогов вообще, а поимущественнаго и подоходнаго налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложеніе контрибуцій на буржуазію—мѣра, принципіально безусловно пріемлемая и заслуживающая пролетарскаго одобренія, — показывает, что мы стоим еще в этом отношеніи ближе к пріемам отвоеванія (Россіи) от богатых для бѣдных, чѣм к пріемам управленія. Но чтобы стать сильнѣе и чтобы стать на ноги, мы должны перейти к этим послѣдним пріемам, мы должны замѣнить контрибуцію с буржуазіи постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст **больше** пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большаго налаженія учета и контроля.

Наше опозданіе с введеніем трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организаціонная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрѣпить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцію, которая «окружит» капитал и заставит его «сдаться». Начать введеніе трудовой повинности нам слѣдовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, провѣряя каждый шаг практическим опытом и, разумѣется, первым шагом дѣлая введеніе трудовой повинности **для богатых.** Введеніе рабочей и потребительски-бюджетной книжки для всякаго буржуа, в том числѣ и деревенскаго, было бы серьезным шагом вперед к полному «окруженію» непріятеля и к созданію

дѣйствительно всенароднаго учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов.

ЗНАЧЕНІЕ БОРЬБЫ ЗА ВСЕНАРОДНЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ.

Государство, бывшее вѣками органом угнетенія и ограбленія народа, оставило нам в наслѣдство величайшую ненависть и недовѣріе масс ко всему государственному. Преодолѣть это очень трудная задача, подсильная только Совѣтской власти, но и от нея требующая продолжительнаго времени и громадной настойчивости. На вопросѣ об учетѣ и контролѣ—этом коренном вопросѣ для соціалистической революціи—на другой день послѣ сверженія буржуазіи—такое «наслѣдство» сказывается особенно остро. Пройдет неизбѣжно извѣстное время, пока массы, впервые почувствовавшія себя свободными послѣ сверженія помѣщиков и буржуазіи, поймут—не из книжек, а из собственнаго, **совѣтскаго,** опыта—**поймут и прочувствуют,** что без всесторонняго, государственнаго, учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма **неизбѣжен.**

Всѣ навыки и традиціи буржуазіи, и мелкой буржуазіи особенно, идут также против **государственнаго** контроля, за неприкосновенность «священной частной собственности», «священнаго» частнаго предпріятія. Нам теперь особенно наглядно видно, до какой степени правильно марксистское положеніе, что анархизм и анархо-синдикализм суть **буржуазныя** теченія, в каком непримиримом противорѣчіи стоят они к соціализму, пролетарской диктатурѣ, к коммунизму. Борьба за внѣдреніе в массы идеи **Совѣтскаго** — Государственнаго Контроля и учета, за проведеніе этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, пріучившим смотрѣть на добычу хлѣба и одежды, как на «частное» дѣло, на куплю-продажу, как на сдѣлку, которая, «только меня касается», эта борьба и есть величайшая, имѣющая всемірно-историческое значеніе, борьба соціалистической сознательности против буржуазно-анархической стихійности. Рабочій Контроль введен у нас, как закон, но в жизнь и даже в сознаніе широких масс пролетаріата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность в дѣлѣ производства и распредѣленія продуктов есть гибель зачатков соціализма, есть казнокрадство (ибо все имущество принадлежить казнѣ),—а казна, это и есть Совѣтская власть, власть большинства трудящихся,—что нерадивость в учетѣ и контролѣ есть прямое пособничество нѣмецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся **только** при условіи, что мы не одолѣем задачи учета и контроля, и которые при помощи всей мужицкой буржуазіи, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров «подкарауливают» нас, выжидая момент,— об этом мы недостаточно говорим в своей агитаціи, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочій контроль не стал фактом, пока передовики-рабочіе не наладили и не провели побѣдоноснаго и безпощаднаго похода против нарушителей этого контроля или беззаботных на счет контроля,—до тѣх пор от перваго шага (от рабочаго контроля) нельзя сдѣлать второго шага к соціализму, то-есть перейти к рабочему регулированію производства.

Соціалистическое государство может возникнуть лишь, как сѣть производительно-потребительских коммун, добросовѣстно учитывающих свое производство и потребленіе, экономящих труд,

повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочій день до семи, до шести часов в сутки и еще менѣе. Без того, чтобы наладить строжайшій всенародный, всеоб'емлющій учет и контроль **хлѣба и добычи хлѣба** (а затѣм и всѣх других необходимых продуктов) тут не обойтись. Капитализм оставил нам в наслѣдство массовыя организаціи, способныя облегчить переход к массовому учету и контролю распредѣленія продуктов,—потребительныя общества. В Россіи они развиты слабѣе, чѣм в передовых странах, но все же охватили больше десяти милліонов членов. Изданный на-днях декрет о потребительных обществах представляет из себя чрезвычайно знаменательное явленіе, которое наглядно показывает своеобразіе положенія и задачи Совѣтской Соціалистической Республики в данный момент.

Декрет является соглашеніем с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точкѣ зрѣнія. Соглашеніе или компромисс состоит во-первых, в том, что представители названных учрежденій не только участвовали в обсужденіи декрета, но и получили, фактически, право рѣшающаго голоса, ибо части декрета, встрѣтившія рѣшительную оппозицію этих учрежденій, были отброшены. Во-вторых, по сути дѣла, компромисс состоит в отказѣ Совѣтской власти от принципа безплатнаго вступленія в кооператив (единственный послѣдовательно пролетарскій принцип), а равно от об'единенія всего населенія данной мѣстности **в одном** кооперативѣ. В отступленіе от этого, единственно соціалистическаго принципа, отвѣчающаго задачѣ уничтоженія классов, было дано право оставаться «рабочим классовым кооперативам» (которые называются в этом случаѣ «классовыми» только потому, что они подчиняются классовым интересам буржуазіи). Наконец, предложеніе Совѣтской власти исключить совершенно буржуазію из правленій кооперативов было тоже весьма ослаблено, и запрещеніе входить в правленія распространено только на владѣльцев торговых и промышленных предпріятій частно-капиталистическаго характера.

Если бы пролетаріат, дѣйствуя через Совѣтскую власть, успѣл наладить учет и контроль в общегосударственном масштабѣ, или хотя бы основы такого контроля, то надобности в подобных компромиссах не было бы. Через продовольственные отдѣлы Совѣтов, через органы снабженія при Совѣтах мы об'единили бы населеніе в единый, пролетарски руководимый, кооператив без содѣйствія буржуазных кооперативов, без уступок тому чисто-буржуазному принципу, который побуждает рабочій кооператив оставаться рабочим **наряду** с буржуазным **вмѣсто того,** чтобы подчинить себѣ всецѣло этот буржуазный кооператив, слив оба, взяв **себѣ все** правленіе, взяв **себѣ** в руки надзор за потребленіем богатых.

Заключая такое соглашеніе с буржуазными кооперативами, Совѣтская власть конкретно опредѣлила — свои тактическія задачи и своеобразные методы дѣйствій для данной полосы развитія, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, дѣлая извѣстныя частныя уступки им, мы создаем условія для такого движенія вперед, которое будет болѣе медленно, чѣм мы первоначально полагали, но вмѣстѣ с тѣм болѣе прочно, с болѣе солидным обезпеченіем базы и коммуникаціон. линіи, с лучшим укрѣпленіем завоевываемых позицій. Совѣты могут (и должны) теперь измѣрять свои успѣхи в дѣлѣ соціалистическаго строи-

тельства, между прочим, мѣрами чрезвычайно ясными, простыми, практическими: в каком именно числѣ общин (коммун, или селеній, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитіе кооперативов к тому, чтобы охватывать все населеніе.

ПОВЫШЕНІЕ ПРОИЗВОДИТ. ТРУДА.

Во всякой соціалистической революціи, послѣ того, как рѣшена задача завоеванія власти пролетаріатом и по мѣрѣ того, как рѣшается в главном и основном задача: экспропріировать экспропріаторов и подавить их сопротивленіе, выдвигается необходимо на первый план коренная задача созданія высшаго, чѣм капитализм, общественнаго уклада, именно: повышеніе производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организація. Наша совѣтская власть находится именно в таком положеніи, когда, благодаря побѣдам над эксплоататорами, от Керенскаго до Корнилова, она получила возможность непосредственно подойти к этой задачѣ, вплотную взяться за нее. И тут становится видно сразу, что если центральной государственной властью можно овладѣть в нѣсколько дней, если подавить военное и саботажническое сопротивленіе эксплоататоров даже по разным углам большой страны можно в нѣсколько недѣль, то прочное рѣшеніе задачи поднять производительность труда требует во всяком случаѣ (особенно послѣ мучительнѣйшей и разорительнѣйшей войны) нѣскольких лѣт. Длительный характер работы предполагается здѣсь безусловно об'ективными обстоятельствами.

Под'ем производительности труда требует, прежде всего, обезпеченія матеріальной основы крупной индустріи: развитія производства топлива, желѣза, машиностроенія, химической промышленности. Россійская Совѣтская Республика находится постольку в выгодных условіях, что она располагает—даже послѣ Брестскаго мира—гигантскими запасами руды (на Уралѣ), топлива—в Западной Сибири (камен. уголь), на Кавказѣ и на юго-востокѣ (нефть), в центрѣ (торф),—гигантскими богатствами лѣса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств пріемами новѣйшей техники даст основу невиданнаго прогресса производительных сил.

Другим условіем повышенія производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный под'ем массы населенія. Этот под'ем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослѣпленные буржуазной рутиной люди, неспособные понять, сколько порыва к свѣту и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря совѣтской организаціи. Во-вторых, условіем экономическаго под'ема является и повышеніе дисциплины трудящихся, умѣнья работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организаціи.

С этой стороны дѣло обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если повѣрить людям, давшим себя запугать буржуазіи или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революціи, когда бы сторонники стараго не вопили о развалѣ, об анархіи и т. п. Естественно, что в массах, только что сбросивших невиданно-дикій гнет, идет глубокое и широкое кипѣніе и броженіе, что выработка новых основ трудовой дисциплины — процесс очень длительный, что до полной побѣды над помѣщиком и буржуазіей такая выработка не могла даже и начаться.

Но, нисколько не поддаваясь тому часто поддѣльному, отчаянію, которое распространяют буржуа и буржуазные

интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старыя привиллегии), мы никоим образом не должны прикрывать явнаго зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать совѣтскіе пріемы борьбы против него, ибо успѣх соціализма не мыслим без побѣды пролетарской сознательной дисциплинированности над стихійной мелко-буржуазной анархіей, этого настоящаго залога возможной реставраціи керенщины и корниловщины.

Наиболѣе сознательный авангард россійскаго пролетаріата уже поставил себѣ задачу повышенія трудовой дисциплины. Например, в центральном комитетѣ союза металлистов и в центральном Совѣтѣ профессіональных союзов начата разработка соотвѣтствующих мѣропріятій и проэктов-декретов. Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всѣх сил. На очередь надо поставить, практически примѣнить и испытать сдѣльную плату, примѣненіе многаго, что есть научнаго и прогрессивнаго в системѣ Тэйлора, соразмѣреніе заработка, с общими итогами выработки, продукта или эксплуатаціонных результатов желѣзнодорожнаго и воднаго транспорта и т. д., и т. д.

Русскій человѣк—плохой работник по сравненію с передовыми націями. И это не могло быть иначе при режимѣ царизма и живости остатков крѣпостного права. Учиться работать—эту задачу Совѣтская власть должна поставить перед народом во всем ея об'емѣ. Послѣднее слово капитализма в этом отношеніи, система Тэйлора,—как и всѣ прогрессы капитализма.—соединяет в себѣ утонченное звѣрство буржуазной эксплуатаціи и ряд богатѣйших научных завоеваній в дѣлѣ анализа механических движеній при трудѣ, изгнанія лишних и неловких движеній, выработки правильнѣйших пріемов работы, введенія наилучших систем учета и контроля и т. д. Совѣтская Республика во что бы то ни стало должна перенять все цѣнное из завоеваній науки и техники в этой области. Осуществимость соціализма опредѣлится именно нашими успѣхами в сочетаніи Совѣтской власти и Совѣтской организаціи управленія с новѣйшим прогрессом капитализма. Надо создать в Россіи изученіе и преподаваніе системы Тэйлора, систематическое испытаніе и приспособленіе ея. Надо вмѣстѣ с тѣм, идя к повышенію производительности труда, учесть особенности переходнаго от капитализма к соціализму времени, которыя требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы соціалистической организаціи соревнованія, а с другой стороны, требуют примѣненія принужденія, так, чтобы лозунг диктатуры пролетаріата не осквернялся практикой киселеобразнаго состоянія пролетарской власти.

ОРГАНИЗАЦІЯ СОРЕВНОВАНІЯ.

К числу безсмыслиц, которыя буржуазія охотно распространяет про соціализм, принадлежит та, будто соціалисты отрицают значеніе соревнованія. На самом же дѣлѣ только соціализм, уничтожая классы и, слѣд., порабощеніе масс, впервые открывает дорогу для соревнованія дѣйствительно в массовом масштабѣ. И именно Совѣтская организація, переходя от формальнаго демократизма буржуазной республики к дѣйствительному участію трудящихся масс в **управленіи,** впервые ставит широко соревнованіе. В политической области это гораздо легче поставить, чѣм в экономической, но для успѣха соціализма важно именно послѣднее.

Возьмем такое средство организаціи соревнованія, как гласность. Буржуазная республика обезпечивает ее только формально, на дѣлѣ подчиняя прессу капи-

талу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, торговых сдѣлках, в поставках и пр. покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Совѣтская власть отмѣнила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использованія гласности в цѣлях экономическаго соревнованія мы еще почти ничего не сдѣлали. Надо систематически взяться за то, чтобы, на ряду с безпощадным подавленіем насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа созданія такой прессы, которая бы не забавляла и дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имѣющей право и обязанной по своему примѣнять общія совѣтскія узаконенія («по своему» не в смыслѣ нарушенія их, а в смыслѣ разнообразія форм проведенія их в жизнь), по своему рѣшать проблему учета производства и распредѣленія продуктов. При капитализмѣ это было «частным дѣлом» отдѣльнаго капиталиста, помѣщика, кулака. При Совѣтской власти это — не частное дѣло, а важнѣйшее государственное дѣло.

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работѣ организовать соревнованіе коммуны, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлѣба, одежды и пр., превратить сухіе, мертвые, бюрократическіе отчеты в живые примѣры—как отталкивающіе, так и привлекающіе. При капиталистическом способѣ производства значеніе отдѣльнаго примѣра, скажем, какой либо производительной артели, неизбѣжно было до послѣдней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзія могла мечтать об «исправленіи» капитализма вліяніем образцов добродѣтельных учрежденій. Послѣ перехода политической власти в руки пролетаріата, послѣ экспропріаціи экспропріаторов дѣло мѣняется в корнѣ, и согласно тому, что многократно указывалось виднѣйшими соціалистами,—сила примѣра впервые получает возможность оказать свое массовое дѣйствіе. Образцовыя коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудіем соціалистическаго строительства, знакомя во всѣх деталях с успѣхами образцовых коммун, изучая причины их успѣха, пріемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» тѣ коммуны, которыя упорно хранят «традиціи капитализма», т. е. анархіи, лодырничанья, безпорядка, спекуляціи. Статистика была в капиталистическом обществѣ предметом исключительнаго вѣдѣнія «казенных людей» или узких спеціалистов,—мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящіеся постепенно учились сами понимать и видѣть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,—чтобы сравненіе дѣловых итогов хозяйства отдѣльных коммун стало предметом общаго интереса и изученія, чтобы выдающіяся коммуны вознаграждались немедленно (сокращеніем на извѣстный період рабочаго дня, повышеніем заработка, предоставленіем большого количества культурных или эстетических благ и цѣнностей и т. п.).

Когда новый класс выдвигается в качествѣ вождя и руководителя общества на историческую сцену, это никогда не обходится без періода сильнѣйшей «качки», потрясеній, борьбы и бурь, с одной стороны,—а, с другой стороны, без періода неувѣренных шагов, экспериментов, ко-

лебаній, шатаній насчет выбора новых пріемов, отвѣчающих новой об'ективной обстановкѣ. Гибнущее феодальное дворянство мстило побѣждающей и вытѣсняющей его буржуазіи не только заговорами, попытками возстанія и реставраціи, но и потоками насмѣшек над неумѣлостью, неловкостью, ошибками «выскочек», «наглецов», дерзающих брать в руки «священное кормило» государства без вѣковой подготовки к этому князей, баронов, дворян, знати—точь в точь так, как мстят теперь рабочему классу в Россіи за его «дерзкую» попытку взятія власти Корниловы и Керенскіе, Гоцы и Мартовы, вся эта братія героев буржуазнаго гешефтмахерства или буржуазнаго скепсиса.

Нужны, разумѣется, не недѣли, а долгіе мѣсяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселѣ угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положеніем, осмотрѣться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов. Понятно, что у руководящей революціонным пролетаріатом партіи не могло сложиться опыта и навыка больших, на милліоны и десятки милліонов граждан, разсчитанных организаціонных предпріятій, что передѣлка старых, почти исключительно агитаторских навыков дѣло весьма длительное. Но невозможнаго тут ничего нѣт, и раз у нас будет ясное сознаніе необходимости перемѣны, твердая рѣшимость осуществить ее, выдержка в преслѣдованіи великой и трудной цѣли,—мы ее осуществим. Организаторских талантов в «народѣ», т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умѣем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть—мы. Но мы этому научимся, если примемся—со всѣм революціонным энтузіазмом, без котораго не бывает побѣдоносных революцій,—учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движеніе в исторіи не обходилось без грязной пѣны — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелѣпой суматохи, безтолочи, зряшной суетливости, без попыток отдѣльных «вождей» браться за 20 дѣл и ни одного не доводит до конца. Пусть моськи буржуазнаго общества, от Бѣлоруссова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубкѣ большого, стараго лѣса. Нато они и моськи, чтобы лаять на пролетарскаго слона. Пусть лают. Мы пойдем себѣ своей дорогой, стараясь как можно осторожнѣе и терпѣливѣе испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей соединяющих преданность соціализму с умѣніем без шума (и вопреки суматохѣ и шуму) налаживать крѣпкую и дружную совмѣстную работу большого количества людей в рамках Совѣтской организаціи. Только таких людей, послѣ десятикратнаго испытанія, надо, двигая их от простѣйших задач к труднѣйшим, выдвигать на отвѣтственные посты руководителей народнаго труда, руководителей управленія. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся.

«СТРОЙНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ» И ДИКТАТУРА.

Резолюція послѣдняго (Московскаго) С'ѣзда Совѣтов выдвигает, как первѣйшую задачу момента, созданіе «стройной организаціи» и повышеніе дисциплины. Такого рода резолюціи теперь всѣ охотно «голосуют» и «подписывают», но о том, что проведеніе их в жизнь требует принужденія и принужденія именно в формѣ диктатуры, в это обычно не вдумываются. А между тѣм было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом

полагать, что без принужденія и без диктатуры возможен переход от капитализма к соціализму. Теорія Маркса против этого мелкобуржуазно-демократическаго и анархическаго вздора выступала очень давно и с полнѣйшей опредѣленностью. И Россія 1917-18 годов подтверждает теорію Маркса в этом отношеніи с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно рѣшившіе отвернуться от правды, могут еще заблуждаться в этом отношеніи. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русскій тип буржуазнаго Кавеньяка), либо диктатура пролетаріата— об ином выходѣ для страны, продѣлывающей необычайно быстрое развитіе с необычайно крутыми поворотами, при отчаяннной разрухѣ, созданной мучительнѣйшей из войн, **не может быть и рѣчи.** Всѣ среднія рѣшенія либо обман народа буржуазіей, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость молкобуржуазных демократов, Черновых, Церетелли и Мартовых, с их болтовней о единствѣ демократіи, диктатурѣ демократіи, общедемократическом фронтѣ и т. п. чепухѣ. Кого даже ход русской революціи 1917—18 годов не научил тому, что невозможны среднія рѣшенія, на того надо махнуть рукой.

С другой стороны, не трудно убѣдиться, что при всяком переходѣ от капитализма к соціализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направленіях. Во-первых, нельзя побѣдить и искоренить капитализма без безпощаднаго подавленія сопротивленія эксплоататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знанія, а слѣдовательно, в теченіе довольно долгаго періода неибѣжно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бѣдноты. Во-вторых, всякая великая революція, а соціалистическая в особенности, даже если бы не было войны внѣшней, немыслима без войны внутренней, т.-е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чѣм война внѣшняя,—означающей тысячи и милліоны случаев колебанія и перелетов с одной стороны на другую,—означающей состояніе величайшей неопредѣленности, неуравновѣшанности, хаоса. И, разумѣется, всѣ элементы разложенія стараго общества, неизбѣжно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазіей (ибо ее всякая война и всякій кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложенія **не могут** иначе, как увеличеніем преступленій, хулиганства, подкупа, спекуляцій, безобразій всякаго рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и **нужна желѣзная рука.**

Не было ни одной великой революціи в исторіи, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, разстрѣливая воров на мѣстѣ преступленія. Бѣда прежних революцій состояла в том, что революціоннаго энтузіазма масс, поддерживающаго их напряженное состояніе и дающаго им силу примѣнять безпощадное подавленіе элементов разложенія, хватало не на долго. Соціальной, т.-е. классовой причиной такой непрочности революціоннаго энтузіазма масс была слабость пролетаріата, который **один только** в состояніи (если он достаточно многочислен, сознателен, дисциплинирован) привлечь к себѣ большинство трудящихся и эксплоатируемых (большинство бѣдноты, если говорить проще и популярнѣе) и удержать власть достаточно долгое время для полнаго подавленія и всѣх эксплоататоров, и всѣх элементов разложенія.

Этот историческій опыт всѣх революцій, этот всемірно-историческій — экономическій и политическій—урок и подтвердил Маркс, дав краткую, рѣзкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетаріата. И что русская революція правильно подошла к осуществленію этой всемірно-исторической задачи, это **доказало** побѣдное шествіе по всѣм народам и языцѣм Россіи Совѣтской организаціи. Ибо Совѣтская власть есть ни что иное, как организаціонная форма диктатуры пролетаріата, диктатуры передового класса, поднимающаго к новому демократизму, к самостоятельному участію в управленіи государством десятки и десятки милліонов трудящихся и эксплоатируемых, которые на своем опытѣ учатся видѣть в дисциплинированном и сознательном авангардѣ пролетаріата своего надежнѣйшаго вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на вѣтер. Диктатура есть желѣзная власть, революціонно-смѣлая и быстрая, безпощадная в подавленіи как эксплоататоров, так и хулиганов. А наша власть непомѣрно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чѣм на желѣзо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихія борется против Совѣтской власти двояко: с одной стороны, дѣйствуя извнѣ, пріемами Савинковых, Гоцев, Гегечкори, Корниловых, заговорами и возстаніями, их грязным «идеологическим» отраженіем, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эс-эров и меньшевиков,—с другой стороны, эта стихія дѣйствует извнутри, используя всякій элемент разложенія, всякую слабость для подкупа, для усиленія недисциплинированности, распущенности, хаоса. Чѣм ближе мы подходим к полному военному подавленію буржуазіи, тѣм опаснѣе становится для нас стихія мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихіей нельзя вести только пропагандой и агитаціей, только организаціей соревнованія, только отбором организаторов, борьбу надо вести и принужденіем.

По мѣрѣ того, как основной задачей власти становится не военное подавленіе, а управленіе,—типичным проявленіем подавленія и принужденія будет становиться не разстрѣл на мѣстѣ, а суд. И в этом отношеніи революціонныя массы, послѣ 25 октября 1917 г. вступили на вѣрный путь и доказали жизненность революціи, начав устраивать свои рабочіе и крестьянскіе суды, еще до всяких декретов о роспускѣ буржуазно-демократическаго судебнаго аппарата. Но наши революціонные и народные суды непомѣрно, невѣроятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаслѣдованный от ига помѣщиков и буржуазіи народный взгляд на суд, как на нѣчто казенно-чуждое. Нѣт достаточнаго сознанія того, что суд есть орган привлеченія именно бѣдноты поголовно к государственному управленію (ибо судебная дѣятельность есть одна из функцій государственнаго управленія),—что суд есть орган власти пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства,—что суд есть **орудіе воспитанія к дисциплинѣ**. Нѣт достаточнаго сознанія того простого и очевиднаго факта, что, если главными бѣдами Россіи является голод и безработица, то побѣдить эти бѣдствія нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеоб'емлющей, всенародной организаціей и дисциплиной, чтобы увеличить производство хлѣба для людей и хлѣба для промышленности (топлива), во время подвезти и правильно распредѣлить его;—что поэтому **виноват** в мученіях голода и безработицы **всякій**, кто нарушает трудовую дисциплину в любом хозяйствѣ, в любом дѣлѣ,—что виноватаго в этом надо умѣть находить, отдавать под суд и карать безпощадно. Мелкобуржуазная стихія,

с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается, именно, в том, что слабо сознаніе народно-хозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всѣх и каждаго в дѣлѣ организаціи и дисциплины,—что держится прочно мелкособственническій взгляд: мнѣ бы урвать побольше, а там хоть трава не рости

На желѣзнодорожном дѣлѣ, которое всего, пожалуй, нагляднѣе воплощает хозяйственныя связи созданнаго крупным капитализмом организма, эта борьба мелкобуржуазной стихіи распущенности с пролетарской организованностью сказывается особенно выпукло. Элемент «управленскій» поставляет саботажников, взяточников в большом обиліи; элемент пролетарскій в его лучшей части борется за дисциплину; но среди того и другого элементов, конечно, много колеблющихся, «слабых», не способных противостоять «соблазну» спекуляціи, взятки, личной выгоды , покупаемой цѣной порчи всего аппарата, от правильной работы котораго зависит побѣда над голодом и безработицей.

Характерна борьба, которая развертывалась на этой почвѣ вокруг послѣдняго декрета об управленіи желѣзными дорогами, декрета о предоставленіи диктаторских полномочій (или «неограниченных» полномочій) отдѣльным руководителям. Сознательные, (а большей частью, вѣроятно, безсознательные) представители мелкобуржуазной распущенности хотѣли видѣть отступленіе от начала коллегіальности и от демократизма и др. принципов Совѣтской власти в предоставленіи отдѣльным лицам «неограниченных», (т. е. диктаторских) полномочій. Среди лѣвых эс-эров кой-гдѣ развивалась прямо хулиганская, т. е. аппелирующая к дурным инстинктам и к мелкособственническому стремленію «урвать» агитація против декрета о диктаторствѣ. Вопрос встал дѣйствительно громаднаго значенія: во-первых, вопрос принципіальный, совмѣстимо ли вообще назначеніе отдѣльных лиц, облекаемых неограниченными полномочіями, диктаторов, с коренными началами Совѣтской власти; во-вторых, в каком отношеніи стоит этот случай—этот прецедент, если хотите,—к особенным задачам власти в данный конкретный момент. И на том и на другом вопросѣ надо очень внимательно остановиться.

Что диктатура отдѣльных лиц очень часто была в исторіи революціонных движеній выразителем, носителем, проводником диктатуры революціонных классов, об этом говорит непререкаемый опыт исторіи. С буржуазным демократизмом диктатура отдѣльных лиц совмѣщалась несомнѣнно. Но в этом пунктѣ буржуазные хулители Совѣтской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они об'являют Совѣтскую власть просто чѣм-то нелѣпым, анархически диким, старательно обходя всѣ наши историческія параллели и теоретическія доказательства того, что Совѣты суть высшая форма демократизма, даже болѣе: начало соціалистической формы демократизма; с другой же стороны, они пред'являют нам требованія болѣе высокаго, чѣм буржуазный, демократизма и говорят: с вашим, большевистским (т. е. не буржуазным, а соціалистическим), совѣтским демократизмом личная диктатура абсолютно несовмѣстима.

Разсужденія из рук вон плохія. Если мы не анархисты, мы должнын принять необходимость государства, т. е. принужденія для перехода от капитализма к соціализму. Форма принужденія опредѣляется степенью развитія даннаго революціоннаго класса, затѣм такими особыми обстоя-

тельствами, как, например, наслѣдіе, долгой и реакціонной войны, затѣм формами сопротивленія буржуазіи или мелкой буржуазіи. Поэтому рѣшительно никакого принципіальнаго противорѣчія между Совѣтским (т. е. соціалистическим) демократизмом и примѣненіем диктаторской власти отдѣльных лиц нѣт. Отличіе пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплоататорскаго меньшинства в интересах эксплоатируемаго большинства, а затѣм в том, что первую осуществляют—и через **отдѣльных** лиц—не только массы трудящихся и эксплоатируемых, но и организаци, построенныя так, чтобы, именно, такія массы будить, поднимать к историческому творчеству (Совѣтскія организаци принадлежат к этого рода организаціям).

По второму вопросу, о значеніи именно единоличной диктаторской власти с точки зрѣнія специфических задач даннаго момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрія — т. е., именно матеріальный производственный источник и фундамент соціализма—требует безусловнаго и строжайшаго единства воли, направляющей совмѣстную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически и экономически и исторически необходимость эта очевидна, всѣми, думавшими о соціализмѣ, всегда признавалась, как его условіе. Но как может быть обезпечено строжайшее единство воли? Подчиненіем воли тысяч волѣ одного.

Это подчиненіе может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напомнить больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать рѣзкія формы диктаторства—если нѣт идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, **безпрекословное подчиненіе** единой волѣ для успѣха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустріи, безусловно необходимо. Для желѣзных дорог оно необходимо вдвойнѣ и втройнѣ. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, **по внѣшности** на нее совсѣм не похожей, составляет оригинальность переживаемаго момента. Революція только что разбила самыя старыя, самыя прочныя, самыя тяжелыя оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера, а сегодня та же революція и именно в интересах соціализма, требует **безпрекословнаго повиновенія** масс **единой волѣ** руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немыслим сразу. Он осуществим лишь цѣною величайших толчков, потрясеній, возвратов к старому, громаднѣйшаго напряженія энергіи пролетарскаго авангарда, ведущаго народ к новому. Над этим не размышляют тѣ, кто впадает в обывательскую истерику «Новой Жизни», «Впереда», «Дѣла Народа» и «Нашего Вѣка».

Возьмите психологію средняго, рядового, представителя трудящейся и эксплоатируемой массы, сопоставьте эту психологію с об'ективными, матеріальными условіями его общественной жизни. До октябрьской революціи он не видал еще на дѣлѣ, чтобы имущіе, эксплоататорскіе классы дѣйствительно чѣм нибудь для них дѣйствительно серьезным пожертвовали, поступились в его пользу. Он не видѣл **еще**, чтобы ему дали много раз обѣщанную землю и волю, дали мир, поступились интересами «великодержавности» и великодержавных тайных договоров, поступились капиталом и прибылями. Он увидал это только послѣ 25 октября 1917 года, когда он сам взял это силой и силой же должен был отстаивать взятое от Керенских, Гоцев, Гегечкори, Ду-

товых, Корниловых. Понятно, что извѣстное время все его вниманіе, всѣ помыслы, всѣ силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшія блага жизни, которыя можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплоататоры. Понятно, что извѣстное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидал сам, не только убѣдился, но и почувствовал, что так просто «взять», хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усиленію разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соотвѣтственный перелом в условіях жизни (а слѣдовательно и в психологіи) рядовой трудящейся массы только-только начинается. И вся наша задача, задача партіи коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремленія эксплоатируемых к освобожденію,—осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главѣ истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по вѣрному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласованія задач митингованія об условіях работы и задач безпрекословнаго повиновенія волѣ Совѣтскаго руководителя, диктатора, во время работы.

Над «митингованіем» смѣются, а еще чаще по поводу его злобно шипят буржуа, меньшевики, новожизненцы, видящіе только хаос, безтолочь, взрывы мелкособственническаго эгоизма. Но без митингованія масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплинѣ сознательной и добровольной. Митингованіе, это и есть настоящій демократизм трудящихся, их выпрямленіе, их пробужденіе к новой жизни, их первые шаги на том поприщѣ, которое они сами очистил от гадов (эксплуататоров, имперіалистов, помѣщиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по своему, для себя, на началах своей «Совѣтской», а не чужой, не барской, не буржуазной власти. Нужна была именно октябрьская побѣда трудящихся над эксплуататорами, нужна была цѣлая историческая полоса первоначальнаго обсужденія самими трудящимися новых условій жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоенію идеи необходимости диктатуры пролетаріата, к безпрекословному повиновенію единоличным распоряженіям представителей Совѣтской власти во время работы.

Этот переход начался теперь.

Мы успѣшно рѣшили первую задачу революціи, мы видѣли, как трудящіяся массы выработали в себѣ основное условіе ея успѣха: об'единеніе усилій против эксплуататоров для их сверженія. Такіе этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. имѣют всемірно-историческое значеніе.

Мы успѣшно рѣшили вторую задачу революціи: пробудить и поднять тѣ именно общественные «низы», которые эксплоататоры столкнули вниз, и которые лишь послѣ 25 октября 1917 года, получили всю свободу свергать их и начать осматриваться и устраиваться по-своему. Митингованіе именно наиболѣе угнетенной и забитой, наименѣе подготовленной массы трудящихся, переход ея на сторону большевиков, проведеніе ею вездѣ и повсюду своей совѣтской организаціи, вот второй великій этап революціи.

Начинается третій. Надо закрѣпить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, намѣтили,—закрѣпить в прочныя

формы **повседневной трудовой дисциплины.** Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только рѣшеніе ея дастъ нам соціалистическіе порядки. Надо научиться соединить вмѣстѣ бурный, бьющій весенним половодьем, выходящій из всѣх берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с **желѣзной** дисциплиной во время труда, с **безпрекословным повиновеніем** волѣ одного лица, совѣтскаго руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

Реставрація буржуазной эксплоатаціи грозила нам вчера в лицѣ Корниловых, Гоцев, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их побѣдили. Эта реставрація, та же самая реставрація грозит нам сегодня в иной формѣ, в видѣ стихіи мелкобуржуазной распущенности и анархизма, мелкособственническаго: «моя хата с краю», в видѣ будничных, мелких, но за то многочисленных наступленій и нашествій этой стихіи против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихію мелкобуржуазной анархіи должны побѣдить и мы ее побѣдим.

РАЗВИТІЕ СОВѢТСКОЙ ОРГАНИЗАЦІИ.

Соціалистическій характер демократизма Совѣтскаго, — то есть **пролетарскаго,** в его конкретном, данном, примѣненіи,—состоит, во 1-х, в том, что избирателями являются трудящіяся и эксплуатируемыя массы; буржуазія исключается; во 2-х, в том, что всякія бюрократическія формальности и ограниченія выборов отпадают, массы сами опредѣляют порядок и сроки выборов, при полной свободѣ отзыва выбранных, в 3-х, что создается наилучшая массовая организація авангарда трудящихся, крупно - промышленнаго пролетаріата, позволяющая ему руководить наиболѣе широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опытѣ, что, таким образом, впервые дѣлается приступ к тому, чтобы дѣйствительно **поголовно** населеніе училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки получившаго примѣненіе в Россіи, демократизма, являющагося болѣе высоким **типом** демократизма, разрывом с буржуазным искаженіем его, переходом к соціалистическому демократизму и к условіям, позволяющим начать отмирать государству.

Разумѣется, стихія мелкобуржуазной дезорганизованности, (которая при всякой пролетарской революціи в той или иной мѣрѣ **неизбѣжно** себя проявит, а в нашей революціи в силу мелкобуржуазнаго характера страны, ея отсталости и послѣдствій реакціонной войны проявляется особенно сильно), не может не накладывать своего отпечатка и на Совѣтах.

Над развитіем организаціи Совѣтов и Совѣтской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденція к превращенію членов Совѣтов в «парламентаріев» или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая **всѣх** членов Совѣтов к практическому участію в управленіи. Отдѣлы Совѣтов превращаются во многих мѣстах в органы, сливающіеся постепенно с комиссаріатами. Цѣлью нашей является **поголовное** привлеченіе **бѣдноты** к практическому участію в управленіи, и всяческіе шаги к осуществленію этого — чѣм разнообразнѣе, тѣм лучше,—должны тщательно регистрироваться, изучаться, систематизиро-

ваться, провѣряться болѣе широким опытом, узаконяться. Цѣлью нашей является **безплатное** выполненіе государственных обязанностей **каждым** трудящимся, по отбытии 8-ми часового «урока» производительной работы: переход к этому особенно труден, но только в этом переходѣ залог окончательнаго упроченія соціализма. Новизна и трудность перемѣны вызывает, естественно, обиліе шагов, дѣлаемых, так сказать, ощупью, обиліе ошибок, колебанія,—без этого никакого рѣзкаго движенія вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемаго положенія, с точки зрѣнія многих, желающих считаться соціалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противополагать капитализм соціализму, а между тѣм и другим глубокомысленно ставили слово: «скачек» (нѣкоторые, вспоминая обрывки читаемаго у Энгельса, добавляли еще болѣе глубокомысленно: «скачек из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя соціализма называли перелом под углом зрѣнія поворотов всемірной исторіи и что скачки такого рода обнимают періоды лѣт по 10, а то и больше, об этом не умѣет подумать большинство так называемых соціалистов, которые про соціализм «читали в книжкѣ», но никогда серьезно в дѣло ни вникали. Естественно, что пресловутая «интеллигенція» поставляет в такія времена безконечное количество плакальщиц по покойнику: одна плачет по Учредительному Собранію, другая по буржуазной дисциплинѣ, третья по капиталистическому порядку, четвертая по культурному помѣщику, пятая по имперіалистической великодержавности и так далѣе, и тому подобное.

Настоящій интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обиліе обломков стараго, накопляемых иногда быстрѣе, чѣм количество зародышей (не всегда сразу видных) новаго, требует умѣнья выдѣлить самое существенное в линіи или цѣпи развитія. Бывают историческіе моменты, когда для успѣха революціи всего важнѣе накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учрежденій; бывают моменты, когда взорвано достаточно и на очередь ставится «прозаическая» (для мелкобуржуазнаго революціонера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами новаго, растущими из под обломков, на плохо еще очищенной от щебня почвѣ, всего важнѣе.

Недостаточно быть революціонером и сторонником соціализма или коммунистом вообще. Надо умѣть найти в каждый момент то особое звено цѣпи, за которое надо всѣми силами ухватиться, чтобы удержать всю цѣпь и подготовить прочно переход к слѣдующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцѣпленіе, их отличіе друг от друга в исторической цѣпи событій не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сдѣланной, цѣпи.

Борьба с бюрократическим извращеніем Совѣтской организаціи обезпечивается прочностью связи Совѣтов с «народом» в смыслѣ трудящихся и эксплоатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазных парламентов даже лучшей в мірѣ по демократизму капиталистической республики бѣднота никогда не считает «своими» учрежденіями. А Совѣты—«свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «соціалдемократам», оттѣнка Шейдмана или, что почти одно и тоже, Мартова, так-же претят Совѣты, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному Собранію, как Тургенева 60 лѣт тому назад тянуло к умѣренной монархической и дворянской конституціи, как ему претил мужицкій демократизм Добролюбова и Чернышевскаго.

Именно близость Совѣтов к «народу» трудящихся создает особыя формы отзыва и другого контроля снизу, которыя должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Напр., Совѣты народнаго образованія, как періодическія конференціи совѣтских избирателей и их делегатов для обсужденія и контроля за дѣятельностью совѣтских властей в данной области, заслуживают полнѣйшаго сочувствія и поддержки. Нѣт ничего глупѣе, как превращеніе Совѣтов в нѣчто застывшее и самодовлѣющее. Чѣм рѣшительнѣе мы должны стоять теперь за безпощадно твердую власть, за диктатуру отдѣльных лиц для опредѣленных процессов работы, в опредѣленные моменты чисто исполнительских функцій, тѣм разнообразнѣе должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тѣнь возможности извращенія Совѣтской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Необыкновенно тяжелое, трудное и опасное положеніе в международном отношеніи: необходимость лавировать и отступать; період выжиданія новых взрывов революціи, мучительно долго зрѣющей на Западѣ. Внутри страны період медленнаго строительства и безпощаднаго «подтягиванія»; длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихіей мелкобуржуазной распущенности и анархичности. Таковы, вкратцѣ, отличительныя черты особой, переживаемой нами, полосы в соціалистической революціи. Таково то звено исторической цѣпи событій, за которое нам сейчас приходится изо всѣх сил уцѣпиться, чтобы оказаться на высотѣ задачи впредь до перехода к слѣдующему звену,— привлекающему к себѣ особой яркостью, яркостью побѣд международной пролетарской революціи.

Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим, понятіем «революціонера» лозунги, вытекающіе из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, безпощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распущеность... Удивительно-ли, что нѣкоторых «революціонеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодованіе и они начинают «громить» нас за забвеніе традицій октябрьской революціи, за соглашательство с буржуазными спеціалистами, за компромиссы с буржуазіей, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное.

Бѣда этих горе-революціонеров состоит в том, что даже у тѣх из них, кто руководится лучшими в мірѣ побужденіями и отличается безусловной преданностью дѣлу соціализма, не достает пониманія того особаго и «особенепріятнаго» состоянія, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакціонной и несчастной войной, начавшая соціалистическую революцію задолго раньше болѣе передовых стран; — не достает выдержки в трудныя минуты труднаго перехода. Естественно, что «офиціальную» оппозицію такого рода чинит нашей партіи, партія «лѣвых эс-ров». Личныя исключенія из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но соціальные типы остаются. В странѣ, с громадным преобладаніем мелкособственническаго населенія над чисто пролетарским, неизбѣжно будет сказываться— и от времени до времени крайне рѣзко сказываться—различие между революціонером пролетарским и мелкобуржуазным. Этот послѣдній колеблется и шатается при каждом поворотѣ событій, переходит от ярой революціонности в мартѣ 1917 г. к воспѣванію «коалиціи» в маѣ, к ненависти против большевиков (или к оплакиванію их «авантюризма») в іюлѣ, к опасливому отстраненію от них в концѣ октября, к

поддержкѣ их в декабрѣ,—наконец, в мартѣ и апрѣлѣ 1918 года такіе типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «я не из тѣх, кто поет гимны органической работѣ, практицизму и постепеновщинѣ».

Соціальный источник таких типов, это —мелкій хозяйчик, который взбѣсился от ужасов войны, от внезапнаго разоренія, от неслыханных мученій голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенія, колеблясь между довѣріем к пролетаріату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаянія, с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой соціальной базѣ никакого соціализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплуатируемыми массами может только класс, без колебаній идущій по своему пути, не падающій духом и не впадающій в отчаяніе на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерическіе порывы не нужны. Нам нужна мѣрная поступь желѣзных батальонов пролетаріата.

Н. Ленин.

Март—апрѣль 1918 г.

РЕЗОЛЮЦІЯ

ВСЕРОССІЙСКАГО ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО Комитета РАБОЧ., СОЛДАТ., КРЕСТ. и КАЗАЧ. ДЕПУТАТОВ, принятая в засѣданіи от 29-го апрѣля 1918 года, по докладу тов. ЛЕНИНА. «Об очередных задачах СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ».

«Ц. И. К., заслушав доклад тов. Ленина об очередных задачах Совѣтской власти, высказывает полное одобреніе намѣченным в этом докладѣ основным положеніям. Ц. И. К. поручает призидіуму совмѣстно с докладчиком средактировать основныя положенія доклада в видѣ кратких тезисов, которые и опубликовать в качествѣ основных задач Совѣтской власти».

Всѣм губернским, уѣздным, волостным совдепам, всѣм, всѣм...

В засѣданіи Всероссійскаго Центральнаго Исполкома Совдепов от 29-го апрѣля 1918 г., по заслушаніи и обсужденіи доклада т. Ленина об очередных задачах Совѣтской власти, выставленныя им положенія были единогласно утверждены. Окончательное редактированіе положеній, которыя должны лечь в основу дѣятельности всѣх Совдепов, было поручено Президіуму Центральнаго Исполкома совмѣстно с докладчиком. Закончив порученную ему работу, Президіум сообщает всѣм мѣстным Совдепам к свѣдѣнію и руководству нижеслѣдующія положенія:

1) Международное положеніе Совѣтской Республики в высшей степени трудное и критическое, ибо самые глубокіе и коренные интересы международнаго капитала и имперіализма побуждают его стремиться не только к военному натиску на Россію, но и к соглашенію о дѣлежѣ Россіи и об удушеніи Совѣтской власти.

Только обостреніе имперіалистической бойни народов на западѣ Европы и имперіалистическое соревнованіе Японіи и Америки на Дальнем Востокѣ парализует или сдерживает эти стремленія и то лишь отчасти и лишь на извѣстное, вѣроятно, короткое, время.

Поэтому обязательной тактикой Совѣтской Республики должно быть, с одной стороны, крайнее напряженіе всѣх сил для быстрѣйшаго экономическаго под'ема страны, повышенія ея обороноспособности, созданія могучей соціалистической арміи; с другой стороны, в международной политикѣ обязательна тактика лавированія, отступленія, выжиданія до того момента, когда окончательно созрѣет международная пролетарская революція, зрѣющая теперь быстрѣе, чѣм прежде, в цѣлом рядѣ передовых стран.

2) В области внутренней политики на очередь дня выдвигается в настоящій момент, согласно резолюціи Всероссійскаго С'ѣзда Совѣтов от 16/III—18 г., задача организаціонная. Именно эта задача, в примѣненіи к новой и высшей постановкѣ производства и распредѣленія продуктов на базѣ общественнаго крупнаго машиннаго (труда) производства,

составляет главное содержаніе и главное условіе полной побѣды соціалистической революціи, которая начата в Россіи 25-го октября 1917 г.

3) С точки зрѣнія чисто политической, гвоздем момента является то, что задача убѣдить трудящуюся Россію в правильности программы соціалистической революціи и задача отвоевать Россію от эксплуататоров для трудящихся являются, в главных и основных чертах, завершенными, и на очередь дня выдвигается как главная задача, управлять Россіей. Организація правильнаго управленія, неуклоннаго проведенія в жизнь постановленій Совѣтской власти —такова насущная задача Совѣтов, таково условіе полной побѣды Совѣтскаго типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всѣх концах страны, а необходимо фактически наладить и провѣрять на регулярной, повседневной работѣ управленія.

4) В области экономическаго строительства соціализма гвоздем момента является то, что наша работа по организаціи всенароднаго и всеоб'емлющаго учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов и по введенію пролетарскаго регулированія производства сильно отстала от работы непосредственной экспропріаціи экспропріаторов—помѣщиков и капиталистов. Это основной факт, опредѣляющій наши задачи.

Из него вытекает, с одной стороны, что борьба с буржуазіей вступает в новый фазис, а именно: центром тяжести становится организація контроля и учета. Только таким путем могут быть запрѣплены всѣ тѣ экономическія завоеванія против капитала, и всѣ тѣ мѣры по національзаціи отдѣльных отраслей народнаго хозяйства, которыя с октября были нами достигнуты, и только таким путем может быть подготовлено успѣшное завершеніе борьбы с буржуазіей, т.-е. полное упроченіе соціализма.

Из указаннаго основного факта вытекает, с другой стороны, об'ясненіе того, почему Совѣтской власти пришлось в извѣстных случаях сдѣлать шаг назад или пойти на компромисс с буржуазными тенденціями. Таким шагом назад и отступленіем от принципов Парижской Коммуны было, напр., введеніе высоких жалований для ряда буржуазных спеціалистов. Таким компромиссом было соглашеніе с буржуазными кооперативами о шагах и мѣрах к постепенному привлеченію всего населенія в кооперативы. Пока пролетарская власть не поставит вполнѣ на ноги всенароднаго контроля и учета, подобнаго рода компромиссы необходимы, и наша задача состоит в том, чтобы, отнюдь не замалчивая перед народом их отрицательных черт, напрягать усилія для улучшенія учета и контроля, как единственнаго средства и пути к полному устраненію всяких подобных компромиссов. В настоящій момент подобные компромиссы необходимы, как единственное (при нашем опозданіи с учетом и контролем), обезпеченіе болѣе медленнаго, но и болѣе прочнаго движенія вперед. При полном проведеніи учета и контроля за производством и распредѣленіем продуктов надобность в таких компромиссах отпадет.

5) На очередь дня становятся в особенности мѣры повышенія трудовой дисциплины и производительности труда. Шаги, начатые уже в этом направленіи, особенно профессіональными союзами, должны быть изо всѣх сил поддержаны, укрѣплены и усилены. Сюда относится, напр., введеніе сдѣльной платы, примѣненіе многаго, что есть научнаго и прогрессивнаго в системѣ Тэйлора, соразмѣреніе заработка с общими итогами работы фабрики или с эксплуатаціонными

результатами жел.-дор. и воднаго транспорта и т. д. Сюда относится также организація соревнованія между отдѣльными производительными и потребительными Коммунами, отбор организаторов и т. п.

6) Диктатура пролетаріата является безусловной необходимостью при переходѣ от капитализма к соціализму, и в нашей революціи эта истина получила свое полное практичеескоe подтвержденіе. Но диктатура предполагает дѣйствительно твердую и безпощадную в подавленіи как эксплуататоров, так и хулиганов, революціонную власть, а наша власть слишком мягка. Подчиненіе, и притом безпрекословное, во время труда, единоличным распоряженіям Совѣтских руководителей, диктаторов, выборных, или назначенных Совѣтскими учрежденіями, снабженных диктаторскими полномочіями (как того требует, напр., жел.-дор. декрет), обезпечено еще далеко и далеко недостаточно. Здѣсь сказывается вліяніе мелко-буржуазной стихіи, стихіи мелкособственнических привычек, стремленій и настроеній, в корнѣ противорѣчащих пролетарской дисциплинированности и соціализму. Все сознательное в пролетаріатѣ должно быть устремлено на борьбу с этой мелко-буржуазной стихіей, которая находит себѣ отраженіе не только прямое, (в поддержкѣ буржуазіей и ея прихвостнями: меньшевиками, правыми эсерами и т. п. всякаго противодѣйствія пролетарской власти), но и косвенное (в том историческом колебаніи, которое по главным вопросам политики обнаруживает как мелко-буржуазная партія лѣвых эсеров, так и опускающееся до пріемов мелко-буржуазной революціонности подражающее лѣвым эсерам «ново-коммунистическое» теченіе в нашей партіи).

Желѣзная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетаріата против мелко-буржуазных шатаній — таков общій и итоговый лозунг момента.

Предсѣдатель Ц. И. К. **Свердлов.**

Секретарь Ц. И. К. **Аванесов.**

Цѣна 50 коп.

